

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-82-90

ХУДОЖНИК В ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА Г.И. ЧОРОС-ГУРКИНА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

Ю. Г. Чернышов, А. Д. Дерендяева

Чернышов Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет.
E-mail: ashpi@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-0516-7486. Researcher ID: I-1137-2015).

Дерендяева Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет.
E-mail: a.derenadyaewa@yandex.ru (ORCID: 0009-0005-4621-8974).

Аннотация

Показано, как образ интеллигента, имевшего опыт «хождения во власть», используется в политике памяти, охарактеризованы факторы становления его в качестве ключевого персонажа, «знаковой фигуры», которая способствует формированию этнической и территориальной идентичности в Республике Алтай. Авторы статьи описывают этот процесс на примере судьбы известного алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина и становления его как общественно-политического деятеля. В качестве источников использованы нормативно-правовые документы, материалы архивных фондов, публикации в средствах массовой информации и др. Выявлены существенные трансформации образа Г.И. Чорос-Гуркина. Он был известен как талантливый художник, ученик И.И. Шишкина, лидер национального движения и председатель Алтайской Горной думы (1918 г.), а затем (после того как был репрессирован в 1937 г.) – как «враг народа» и «предатель». Долгое время, даже после реабилитации (1956 г.), его имя фактически замалчивалось. Однако с конца 1980-х гг. его образ как политика стремительно возрождается. Теперь это не только «национальный герой» и «гений места», но и «основатель алтайской государственности».

Ключевые слова: политическое лидерство; национальное движение; национальный герой; интеллигенция; региональный лидер; политика памяти; идентичность; «гений места»; Горный Алтай; Г. И. Чорос-Гуркин.

Введение

История знает немало случаев, когда думающие об интересах общества представители интеллигенции (актеры, писатели, ученые, художники и т.д.) волею судеб оказывались на властных постах (Чернышов, 1998: 4–13). Часто эти попытки происходили в кризисные эпохи, когда отлаженная система ротации элит давала сбои. Это можно было наблюдать, например, в России в 1990-е гг., когда интеллигенты и интеллектуалы нередко предлагали обществу «разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства» (Фадеева, 2012: 7). Часто этих людей упрекали в некомпетентности, непрактичности, излишней мягкости и т.д. Нередко их попытки управлять заканчивались не слишком удачно, и на их место приходили новые «эффективные менеджеры». Казалось бы, из этих уроков должен вытекать один вывод: «Таким людям не стоит покидать свою профессию и идти во власть». Но почему общество, нередко спустя десятилетия, вспоминает именно их, а не «послушных винтиков системы»? Может быть, какие-то из этих людей интересны и важны тем, что именно им удалось открыть обществу новые смыслы и цели, новые перспективы? Пример – судьба известного алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937), неожиданно ставшего, спустя полвека после его гибели, признанным кумиром у себя на родине, заставляет задуматься над такими вопросами. Конкретный сюжет, рассматриваемый в данной статье, представляет собой весьма интересный пример для изучения более общей темы «Интеллигенция и власть» (или, если точнее, такого аспекта этой темы, как «Хождение интеллигентов во власть»).

Мы не будем подробно рассматривать биографию и творчество художника (Шастина, 2019; Chernyshov et al., 2023: 68–70), а остановимся на эпизоде его краткого похода во власть и на последующей эволюции его образа вплоть до настоящего времени. Цель данного исследования – выявить характерные черты эволюции образа Г. И. Чорос-Гуркина как общественно-политического деятеля. Достижение данной цели предполагает решение следующих научно-практических задач: во-первых, выделить и охарактеризовать основные периоды, когда образ Г. И. Чорос-Гуркина существенно трансформировался; во-вторых, определить основные факторы, которые повлияли на изменения в восприятии его образа; в-третьих, проследить использование образа Г. И. Чорос-Гуркина в политике памяти и политике идентичности в современной Республике Алтай.

В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступает, в первую очередь, личностно-ситуационная теория политического лидерства, в рамках которой личность Г. И. Чорос-Гуркина рассматривается с точки зрения его личностных качеств (любовь к родному Алтаю, стремление к улучшению качества жизни алтайцев), а также с точки зрения тех событий (ситуаций), в рамках которых художник был вынужден стать лидером (смена политической власти, общий подъем национального самосознания у алтайцев и др.). Кроме того, были использованы некоторые методы исторического исследования – историко-генетический, метод периодизации исторических процессов и др.

В качестве ключевых источников исследования были использованы материалы архивных фондов (письма и рукописи Г. И. Чорос-Гуркина¹, заметки Г. Н. Потанина² и т.д.), нормативно-правовые документы, связанные с деятельностью Алтайской горной думы (законы, указы и т.д.³), а также с делом об обвинении Г. И. Гуркина⁴. Также были использованы средства массовой информации (архивы журналов «Сибирские огни»⁵, «Сибирь», «Настоящее», газета «Советская Сибирь»⁶ и др.). Следует отметить, что в целом источники позволяют выявить основные тенденции эволюции образа, однако до сих пор есть недостаток достоверных сведений по многим аспектам темы. В литературе краткий период общественно-политической деятельности Григория Ивановича был изучен как зарубежными (Balzer, 2015; Rozwadowski, 2021; Toraman, 2018), так и отечественными авторами (Михайлов, 2015; Самыкова, 2008; Эдоков, 1994 и др.). По мнению Т. П. Шастиной, в литературе XX в. прослеживается движение Гуркина-персонажа от образа современника до *genius loci*, причем в этом движении можно выделить три этапа: «областнический (1900–1917); идеологический (1918–1956), локально-мифологический» (Шастина, 2015: 377). Этот подход был использован и в антологии «Г.И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место» (Шастина, 2018). В целом же работ, посвященных изучению эволюции образа Г.И. Чорос-Гуркина как политика и общественного деятеля, пока мало.

Весь рассматриваемый материал разбит на три основных периода: 1917–1956 гг., 1957–1989 гг. и с 1990 г. по настоящее время.

От «первого руководителя» до «контрреволюционера» и «врага народа» (1917–1956 гг.)

События 1917 г., связанные с распадом Российской империи, повлекли за собой мощный подъем национальных движений. Бывшие окраины империи оказались в поиске тех национальных идей, которые способствовали бы консолидации и «суверенизации» коренных народов (например, идея Э. Р. Ринчино о создании Бурят-Монгольской Республики, идея А. Н. Букейханова об образовании Алашской автономии, идеи В. В. Никифорова как организатора «Союза якутов», предложение Г. И. Чорос-Гуркина о выделении инородцев Алтая в самостоятельный уезд и др.).

Особый интерес в данном контексте представляют процессы национального самоопределения в Горном Алтае, территория которого входила в Бийский уезд Томской (с 1917 г. Алтайской) губернии. В связи с активным переселенческим движением и развитием экономики происходили серьезные изменения в традиционном укладе жизни и настроениях «инородцев». Джунгарское наследие, бурханизм, который приобретал политические оттенки, идеи областничества, – все эти факторы также оказали влияние (Шерстова, 2020: 121). Так, в основе бурханизма как этнической религии алтайцев была заложена идея возрождения Ойратского ханства. Кроме того, в обществе уже бытовала ле-

¹ Гуркин, Г. И. (1934) Письмо дочери Марии от 19–20 февр. НМ РА.; Гуркин, Г. И. (1935) Письмо дочери Ангелине от 7 янв. НМ РА.; Гуркин, Г. И. (1936) Рукопись от 19–27 мая. УФСБ РФ по РА.

² Потанин, Г. Н., Васильева, М. Г. (2004) «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 418 с.

³ ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1; ОСХД ГАСРА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 433. Л. 132; ОСХД ГАСРА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 433. Л. 129.

⁴ Архивная справка УФСБ РФ по РА. 1998; Протокол допроса Г.И. Гуркина от 23 июня 1934 г. УФСБ РФ по РА.

⁵ Литературный журнал «Сибирские огни» Архив XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://sibogni.ru/archive> (дата обращения: 09.04.2023).

⁶ Электронная библиотека НГОНБ [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/> (дата обращения: 09.04.2023).

генда о пришествии Ойрот-хана – «спасителя и праведного судии». Таким образом, для алтайцев Ойратское ханство и Ойрот-хан выступали как некое олицетворение «золотого века», «великого прошлого», к которому необходимо вернуться.

Ключевым лидером национально-освободительного движения алтайцев стал Г. И. Чорос-Гуркин. К этому времени он был не просто представителем алтайской интеллигенции, но и широко известным в России художником. Его картины – «Хан Алтай» (1907 г.), «Каракол» (1909 г.), «Алтай. Горная долина» (1909 г.), «Корона Катуни» (1910 г.), «Озеро горных духов» (1910 г.) фактически сразу приобрели популярность. Он ценил в Горном Алтае удивительную красоту природы и людей, не испорченных цивилизацией. Жизнь Григория Ивановича представляла собой череду разных этапов: детство в классе иконописи при Алтайской духовной миссии, обучение у И. И. Шишкина и у А.А. Киселева в Санкт-Петербурге, общение с томской интеллигенцией и знакомство с идеологом сибирского областничества Г. Н. Потаниным, персональные выставки картин, – все это способствовало тому, что за Г. И. Чорос-Гуркиным в короткие сроки закрепился статус «великана национального духа».

Менее известна до сих пор политическая деятельность художника. Участие Г. И. Чорос-Гуркина в событиях 1917–1920 гг. повлияло не только на его творчество, но и в целом перевернуло всю его судьбу. Жизнь для него с этого времени стала «прерванной сказкой» (Муканова, 2020: 176). Летом 1917 г. в г. Бийске прошел I съезд представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов. Там алтайцы предложили рассмотреть вопрос о выделении Горного Алтая в качестве самостоятельного уезда. Хотя эта идея вызвала определенное сопротивление со стороны бийской власти, представители алтайской делегации приняли решение о создании Алтайской Горной думы, председателем которой был выбран Г. И. Гуркин. Вскоре было принято решение о создании Каракорум-Алтайского округа и окружной управы под председательством Г. И. Гуркина. 30 декабря 1918 г. был создан Каракорумский уезд.

Роль художника в данных политических процессах не была однозначной. Стоит учитывать, что никто тогда не мог предсказать, чем закончатся гражданские распри. А нужно было думать о жизнеобеспечении населения, о защите его от банд грабителей и т.д. Безусловно, Г. И. Гуркин хотел «возродить» национальное самосознание алтайцев, работал над программой обустройства региона. Он даже успел создать эмблему движения, которая в итоге стала одним из интегрирующих символов. В качестве ключевого элемента данной эмблемы выступал треугольник, заключенный в круг, что означало «вечность». Солнце и горы отражали природное достояние алтайцев. Кроме того, на символ была нанесена надпись «Дьер – Су – Хан Алтай» (Земля – Вода – Хан Алтай). Впоследствии эмблема стала использоваться и как печать движения.

Современники художника (в частности, командир каракорумской гвардии, прапорщик В. Залесский) отмечали, что «роль Григория Ивановича была пассивная», что «от Г. И. Гуркина скрывались настоящие цели», сам же он «не имел явно выраженных политических пристрастий» (Эдоков, 1994: 119). В его записной книжке в 1918 г. сам он писал, что политические дела ему чужды, что он хотел бы лишь изображать красоту Алтая (Шастина, 2019: 42). Исследователями подчеркивалось и то, что художник был человеком «со слабым характером», «доверчивым, поскольку мог положиться на тех, кто скажет, что любит Алтай»; были и такие оценки, что он как представитель алтайской интеллигенции оказался «легальным прикрытием контрреволюционных сил» (Самыкова, 2008: 162). Сам Григорий Иванович определял свою политическую роль следующим образом: «В классовом вопросе я еще не разбирался и вообще политикой как художник... не занимался и не был сведущ» (Эдоков, 1994: 106). В данной коннотации, используя типологию М. Дж. Херманн, Г.И. Гуркина можно считать «лидером-служителем», который выступил от имени определенной социальной группы и стал выразителем её интересов.

Именно с этого времени художник стал подписывать свои картины и рисунки следующим образом: Григорий Чорос-Гуркин (Муканова, 2020: 177). Под «Чорос» понимался аристократический род, от которого вели свое происхождение Ойротские князья, фактические «хозяева» западных монгольских племен в XV–XVII вв. Художник тем самым демонстрировал свое право на статус первого руководителя, легитимизировал свою власть. Руководствуясь типологией лидерства М. Вебера, в этом случае Г.И. Гуркина можно было бы отнести к «традиционным лидерам», которым власть доставалась «по наследству», «по традициям».

Вместе с тем, политическая деятельность Г.И. Чорос-Гуркина уже в это время воспринималась в обществе по-разному. Так, отмечается, что художника чуть не расстреляли советские органы власти с. Мышты (Демидов, 1990: 94). Арестовывали его и колчаковцы «за сепаратизм и измену Родине». Затем Г.И. Чорос-Гуркин, да и вся Каракорумская горная управа, стали ассоциироваться с «оплотом контрре-

волюционного движения» (Самыкова, 2008: 162). Буквально за пару лет образ художника, который прежде отождествлялся с такими эпитетами, как «алтайский интеллигент», «первый сибирский художник» и «сын природы», трансформировался в «националиста» и «контрреволюционера».

В итоге он был вынужден уехать в Монголию, а затем в Туву. Переезд и довольно нелегкая жизнь заставили художника пересмотреть свои позиции. В это время Горный Алтай все-таки был выделен в Ойротскую автономную область. Поэтому в 1924 г. Г. И. Чорос-Гуркин пишет в Ойротский обком ВКП (б) и подчеркивает, что «всегда стоял за лучшее, национальное». Получив разрешение на возвращение, художник в 1925 г. приехал на Алтай.

После 1925 г. он продолжал писать картины, причем в это время ему пришлось выполнять многочисленные заказы советской власти. По его инициативе был открыт музей, в Аносе ему в 1927 г. была возвращена ранее конфискованная усадьба. В 1930 г. ему удалось восстановить избирательные права. Стоит отметить, что поначалу к возобновлённой деятельности художника советская власть относилась положительно. Так, Народный комиссар Просвещения А.В. Луначарский в 1926 г. подчеркнул, что картины Григория Ивановича – «замечательные по тонкости живописи, драгоценные по краскам пейзажи»¹.

Небольшие заметки о Г.И. Гуркине продолжали публиковать в различных региональных изданиях – в журналах «Красная Сибирячка», «Настоящее», «Сибирь», «Сибирские огни», в газете «Советская Сибирь» и т.д. Образ Григория Ивановича был представлен в таких категориях, как «алтаец с головы до ног», «имя, известное всему Алтаю» и т.д. Вместе с тем, важно отметить, что подпись «Чорос» исчезла из газет, оставалась лишь фамилия художника – Гуркин. В 1930-е гг. были опубликованы труды П.Я. Гордиенко, А.Г. Данилина, Л.П. Мамета, посвященные бурханизму, ойротской интеллигенции, алтайцам в целом. В них Г.И. Гуркин был обозначен как «лидер ойротской интеллигенции» (Данилин, 1993: 138).

В 1933 году судьба свела Гуркина с женой М.И. Калинина, находившейся тогда в своеобразной «добровольной ссылке» недалеко от Аноса, в Чемале. Сам он об этом писал в письме дочери: «Летом по приглашению Екатерины Ивановны Калининой – директора Чемальского совхоза и дома отдыха, я жил два месяца в Чемале в доме отдыха и написал им большую картину ... – «Белуха с северной стороны – ледник Ак-Кем». ... Кроме того, по их же заказу другую картину в Москву т. Калинину. К XVII партсъезду в подарок написал картину «Ойротия по пути и заветам Ленина»². Впоследствии, как известно, и Е.И. Калинина, и более половины делегатов этого съезда были репрессированы.

В 1934 году Гуркин подвергся допросам в связи с делом о некоем «Союзе сибирских тюрок». Его арестовали по обвинению в том, что в 1932–1933 гг. он якобы ездил в Новосибирск для встречи с сотрудником японского консульства. Однако вскоре удалось доказать, что не имевший паспорта Гуркин вообще никуда не выезжал тогда за пределы Горно-Алтайска. Дело развалилось. Однако спустя три года в мае 1937 г. он был снова арестован на фоне совершавшихся по разнарядкам массовых репрессий. Художника обвинили теперь «в японо-военной к-р (контрреволюционной - авторы) повстанческой деятельности» и заставили подписать показания, в которых он признал, что его якобы завербовал... еще в 1900-1901 гг. умерший в 1920 г. Потанин. В итоге ему предъявили политическое обвинение, и он был расстрелян так же, как и его старший сын Геннадий³.

Имя Г. И. Чорос-Гуркина на долгие годы оказалось под запретом. Боялись заговорить о Григории Ивановиче даже его ученики Ойротской художественной школы, отлично помнившие своего учителя (Самыкова, 2008: 163). Однако Григорий Иванович был настолько «настоящим человеком», что многие, звавшие его, пытались косвенно упоминать о нем даже во время строгой цензуры. Так, в 1944 г. был опубликован рассказ писателя-фантаста И. А. Ефремова «Озеро горных духов» (Ефремов лично познакомился с Чорос-Гуркиным еще в 1925 г.). По сюжету рассказа главный герой – геолог встретился на Алтае с удивительным художником «Чоросовым». Специально искажая его имя, Ефремов тем самым обходил идеологические запреты, вместе с тем, характеризуя Г. И. Чорос-Гуркина как «знаменитого художника», «бесстрашного искателя души гор» (Ефремов, 1944: 88).

¹ Луначарский, А. В. Восьмая выставка картин и скульптуры АХРР «Жизнь и быт народов СССР». [Электронный ресурс]. URL: <https://pv-gallery.com/downloadFile?objectId=19617608> (дата обращения: 17.03.2023).

² Еркинова, Р. М., Шастина, Т. П. Летопись жизни и творчества Гуркина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetiteliyam/150-let-g-i-choros-gurkinu-v-2020-g/item/1330-letopis-zhizni-i-tvorchestva-g-i-gurkina> (дата обращения: 03.04.2023).

³ Дудукина, Л. Григорий Гуркин – «Шпионаж в пользу Японии». Расстрел «алтайского гения». [Электронный ресурс]. URL: <https://secrethistory.su/2190-grigoriy-gurkin-shpionazh-v-%20polzu-yaponii-rasstrel-altayskogo-geniya.html> (дата обращения: 27.03.2023).

Важно было и то, что в 1944–1945 гг. многие живописные работы художника, рисунки в альбомах были сохранены. В 1955 г. следователь К. Хуснутдинов, который вел дело, признался, что «предъявленные обвинения... и показания обвиняемых не соответствовали действительности» (Муканова, 2020: 180). 29 марта 1956 г. Г. И. Гуркин был реабилитирован Президиумом Алтайского краевого суда.

Образ Г.И. Гуркина после реабилитации: «хороший художник, но не политик» (1957–1989 гг.)

После реабилитации имя Г. И. Гуркина постепенно возвращается в культурную среду Алтая. При этом важным вопросом на данном этапе было сохранение художественного наследия Григория Ивановича. Этот процесс затянулся на долгие годы, поскольку снятие запретов на экспозицию картин художника было затруднено. Несмотря на то, что память о политическом прошлом Г. И. Гуркина постепенно утрачивалась, образ «врага народа» по-прежнему продолжал создавать негативный ореол вокруг имени художника. В своих высказываниях партийцы Горно-Алтайского Областного комитета партии сохраняли по отношению к художнику такие оценки, как «националист», «изгнанник», «контрреволюционер» и даже «предатель интересов своего народа». Зачастую имя Григория Ивановича «произносилось вполголоса», «с оглядкой» (Кудинов, 1997: 60). Газета «Звезда Алтая» в 1969 г. с позиций «классового подхода» обвиняла Гуркина в том, что он «выступил против союза с российским пролетариатом... и после возвращения из эмиграции на Родину продолжал высказывать недовольство Советской властью, поддерживал связь со своими прежними единомышленниками...» (Гуркин, 2019: 144). Согласно воспоминаниям алтайского композитора В. Ф. Хохолкова, кинорежиссёру и писателю В. М. Шукшину в 1971 г. по идеологическим соображениям была запрещена экранизация рассказа И. А. Ефремова «Озеро горных духов»¹.

Тем не менее, в различных периодических изданиях имя художника все же встречалось. Так, уже в 1958 г. в журнале «Сибирские огни» (№ 4) отмечалось, что Григорий Иванович был «алтайским талантливым живописцем-самоучкой»². Кроме того, уже с 1961 г. имя художника появляется на страницах небольших рассказов писателя И.П. Кудинова («Белая ночь», «Украденный этюд», «Ручеек»).

Журналы и газеты все-таки подвергались значительной цензуре. Это можно заметить и по тому, как имя Г.И. Гуркина «скрывалось» в текстах публикаций, нарочито писалось с ошибками или вообще заменялось на другое. Интерес представляет, например, статья искусствоведа Л.И. Снитко «Певец Сибири»³. Необычным оказался в первую очередь заголовок, поскольку в нем не было имени. Автор статьи описала биографию художника и дала подробный анализ его картин. Вместе с тем, судьба Г. И. Гуркина после 1917 г. и уж тем более политическая деятельность художника не были подробно описаны. Л. И. Снитко лишь отметила, что данный период жизни для Григория Ивановича оказался «нелегким». Сведения о репрессировании также не фигурировали в тексте статьи, они представлены лишь в качестве небольшой сноски.

Образ Г. И. Гуркина как политика частично раскрывался и в научных трудах Г. А. Образцова, С. А. Стрельцова, В. И. Эдокова. В работе В. И. Эдокова он был представлен как «страстный патриот родного Алтая», а деятельность художника была направлена на «пользу алтайского народа». Автор в какой-то степени пытался оправдать Гуркина, поскольку отмечал, что «он с головой ушел в несвойственные его характеру и убеждениям политические дела на Алтае», «находился под давлением контрреволюционных элементов» (Эдоков, 1994).

Стоит отметить, что в научных трудах также встречалась негативная оценка политической деятельности художника. Так, в историографической заметке В. А. Демидова было подчеркнуто, что Г. И. Гуркин – «алтайский националист, который пытался бороться с советской властью»⁴. Стоит отметить, что оценки этого автора во многом не совпадали со взглядами местной интеллигенции. В 1969 г. было опубликовано стихотворение Ю.П. Гордиенко «Чорос Гуркин» с такими строками: «художник, когда он обратно вернулся, встречали его не парадно», «но слава его не стихала, была неподдельной она». Интерес вызывает и то, что Г.И. Чорос-Гуркин ассоциировался у автора с Чингис-

¹ Муравинская, Л. (2009) Василий Шукшин: страницы жизни, *Сибирские огни*, 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://sibogni.ru/content/vasily-shukshin-stranicy-zhizni?ysclid=lferrsgzmx150615737> (дата обращения: 26.03.2023).

² Талантливый горноалтайский художник (1958), *Сибирские огни*, 4, сс. 182–183. [Электронный ресурс]. URL: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1958/4/186/> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Снитко, Л. (1967) Певец Сибири, *Сибирские огни*, 10, сс. 159–164. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1967/010/161/#zoom=z> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴ Демидов, В. (1973) Октябрь и национальный вопрос в Сибири, *Сибирские огни*, 1, сс. 153–159. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1973/001/156/#zoom=z> (дата обращения: 19.03.2023).

ханом («кочевник с лицом Чингисхана»), подчеркивалась его этническая принадлежность («алтаец»), а также его любовь к Алтаю («Алтаем дышал он и жил»)¹.

Продолжал свое творчество, посвященное Г. И. Гуркину, и И. П. Кудинов. Важным оказался его цикл романов, который был посвящен алтайской интеллигенции начала XX в. Так, постепенно образ Гуркина как художника трансформировался в образ Гуркина как политика. В романе «Окраина» (1980 г.) были описаны процессы зарождения алтайской интеллигенции, а образ Григория Ивановича был подробно выписан в романе «Переворот» (1990 г.). И. П. Кудинов с сожалением отмечал, что политическая деятельность Г. И. Чорос-Гуркина привела его к потере «божественного дара» (имеется в виду дар живописца). В целом образ художника был выражен через такие концепты, как «всесторонне одаренный человек», «один из первых алтайских интеллигентов». Важным в трудах И. П. Кудинова стала трансформация образа Гуркина от «врага народа» к Гуркину – «жертве большого террора».

Несмотря на то, что Гуркина как политика пытались предать забвению, окончательно это сделать не удалось. Наоборот, ему начинали сочувствовать, оправдывать его деятельность. И в конечном итоге стало пробуждаться и осознание того, что он был лидером, посвятившим себя благородным целям (согласно типологии Ю. Дженнигс, «лидер-герой»).

Эволюция образа Г.И. Чорос-Гуркина: от «гения места» до «основателя алтайской государственности» (с 1990 г. по н.в.)

Горно-Алтайская автономная область, входившая в Алтайский край, была преобразована в 1991 г. в Республику Алтай. В контексте утраты веры общества в советскую идеологию важным стал поиск новых стратегий и практик политики памяти и политики идентичности. Стоит отметить, что процесс «национально-культурного возрождения» охватил регионы Советского Союза уже во второй половине 1980-х гг. Исключением не стал и алтайский народ. В 1988 г. появился праздник – Эл-Ойын (праздник духовного единения народов). Также на консолидацию алтайцев повлияли вновь выросшая популярность бурханизма, восстановление традиционных родовых социальных форм – сеоков, а также воспоминания об идее алтайской государственности (апелляция к Алтайской Горной думе и Каракоруму). Происходило не только возрождение интереса к истории и к культуре региона, но и формирование и продвижение новых символов, в том числе «знаковых фигур». Именно поэтому обращение к образу Г.И. Чорос-Гуркина, как к «алтайцу, открывшему миру Алтай», становится особенно важным.

Уже в 1990 г. состоялась выставка картин в Горно-Алтайском областном краеведческом музее. Экспонирование работ пейзажиста сразу привлекло внимание к его творчеству. С «возвращением» образа Гуркина как художника возвращается и образ Гуркина как политического деятеля. Так, в 1991 г. прошла конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Григория Ивановича. Именно с этого момента начинается символическое осмысление образа Гуркина как политика. В данном контексте «знаковой» становится работа В. И. Эдокова «Возвращение мастера». В ней автор подчеркивал, что «кривое зеркало классового самосохранения ... настолько исказило истинную картину исторической действительности, что в ее отражении деяния Гуркина в революционные годы казались и впрямь ошибочными, противостественными» (Эдоков, 1994: 106). Наглядным примером изменения оценок послужила и статья историка С. Я. Пахаева (Пахаев, 1991: 128–132).

С начала 2000-х гг. можно говорить о том, что художник стал «знаковой фигурой», вокруг которой начала формироваться алтайская идентичность. С именем Григория Ивановича связана целая совокупность стратегий и практик, направленных на консолидацию общества.

Образ Г. И. Чорос-Гуркина ассоциируется с таким концептом, как «основатель алтайской государственности». При упоминании художника встречаются такие выражения, как «вдохновитель первых алтайских государственных образований» (Тадина, 2018: 294–297), «отец-основатель» и даже «демиург и покровитель» (Михайлов, 2008: 254–255). Данная идея закрепляется практикой использования имени «Чорос».

Кроме того, идея того, что Г. И. Чорос-Гуркин – «отец-основатель», была закреплена и в качестве одной из мемориальных практик. Так, летом 2006 г. в г. Горно-Алтайск был открыт памятник художнику. Во время открытия Гуркин был назван официальными лицами основателем алтайской государственности (Михайлов, 2016: 75). Таким образом, отношение политической власти к художнику изменилось в лучшую сторону, его фигура стала «знаковой» для всего общества.

¹ Гордиенко, Ю. (1969) Чорос Гуркин, *Сибирские огни*, 9, сс. 109–110. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flp236/periodika/sibogni/1969/009/110/> (дата обращения: 19.03.2023).

Образ Григория Ивановича ассоциируется теперь и с концептом «золотого века». Идея получения суверенного статуса и создание собственной республики напрямую коррелируют с идеями восстановления Ойротского ханства, пришествия Ойрот-хана. Сам Г. И. Чорос-Гуркин искренне считал, что легендарные традиции напрямую апеллировали к тому прошлому, в котором данная «этнополитическая автономия достигла своего расцвета» (Самушкина, 2018: 265).

С именем художника связывается и образ «национального лидера». Формирование образа данного типа находит свое выражение через концепты: «национальное достояние» (Еркинова, 2000: 9–10), «Гуркин высшим долгом считал служение на благо народу», «возрождение национального самосознания» (Самушкина, 2018: 265–267).

С образом Г. И. Гуркина связан и такой концепт, как «коллективная травма», «трагическое прошлое». Активное участие в деятельности национального движения, борьба за права алтайцев, а затем последующая гибель художника послужили факторами формирования некоей коллективной травмы, осознания той несправедливости, которая была допущена по отношению к национальному герою. Кроме того, возникало чувство утраченных возможностей. Важно отметить то, что имя Г. И. Гуркина всегда упоминается в День памяти жертв политических репрессий, 11 октября.

К этому необходимо добавить, что имя художника ассоциируется и со статусом «genius loci» («гений места»). Г. И. Чорос-Гуркин олицетворяет собой прекрасный Алтай, а музей-усадьба художника в селе Анос стала своеобразным «местом памяти» о нем. Именно здесь обсуждались вопросы политического, экономического и культурного устройства будущей автономии Горного Алтая – прообраза Республики Алтай.

Наконец, можно говорить о том, что образ Г. И. Чорос-Гуркина выступил как некий катализатор при формировании этнической и территориальной идентичности. Проведенный в 2018 г. конкурс по присвоению аэропортам России имен выдающихся деятелей государства затронул и Горный Алтай. Главными претендентами от данного региона стали Н. К. Рерих и Г. И. Гуркин. В обществе появились протесты против кандидатуры Н. К. Рериха, которую поддерживали многие «не местные». В то же время Г. И. Гуркина стали поддерживать люди разных политических, религиозных взглядов, называвшие его «великим сыном Алтая», «патриотом родины» и т.д. В результате конкурс был закрыт, чтобы избежать поляризации общественных настроений в регионе.

Итак, спустя долгий период почти полного забвения художник и политик с трагической судьбой стал восприниматься не только как национальный герой, но и как лидер, чей образ влияет на этническую и территориальную идентичность. Такая идентичность, кстати, была подкреплена символами, которые были сформированы именно в период активной политической деятельности Г. И. Чорос-Гуркина. Лозунг «Дьер – Су – Хан Алтай» и печать Алтайской Горной думы не остались забытыми, они до сих пор являются популярными среди местного населения. Таким образом, «поход интеллигента во власть» все-таки оставил очень важный след в развитии региона. В последнее время с помощью инструментов политики памяти и политики идентичности образ Г.И. Чорос-Гуркина был не только возрожден, но и приобрел новое качество, став одним из ключевых символов в Республике Алтай.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

Список литературы / References

- Гордиенко, П. Я. (1994) *Ойротия*. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек». [Gordienko, P. Ya. (1994) *Oirotia* [Ojrotiya]. Gorno-Altajsk: Ak-Chechek. (In Russ.)].
- Данилин, А. Г. (1993) *Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения*. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек». [Danilin, A. G. (1993) *Burkhanism. From the history of the National Liberation movement* [Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya]. Gorno-Altajsk: «Ak-Chechek». (In Russ.)].
- Демидов, В. А. (1990) *Народы Сибири: на путях интернационализма*, Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. [Demidov, V. A. (1990) *The Peoples of Siberia: on the path of internationalism* [Narody` Sibiri: na putyakh internacionalizma]. Novosibirsk: Izdvo Novosib. un-ta. (In Russ.)].
- Еркинова, Р. М. (2000) «Я сын Алтая: основные вехи жизни Г. И. Чорос-Гуркина (фактическая канва)», *Наука, культура, образование*, 6/7, сс. 9–10. [Erkinova, R. M. (2000) 'I am the son of Altai: the main milestones of G.I. Choros-Gurkin's life (the actual outline)' [Ya sy'n Altaya: osnovny`e vehi zhizni G.I. Choros-Gurkina (fakticheskaya kanva)], *Nauka, kul'tura, obrazovanie*, 6/7, pp. 9–10. (In Russ.)].

- Ефремов, И. А. (1944) *Озеро Горных духов*, Москва: Молодая гвардия. [Efremov, I. A. (1944) *Lake of Mountain Spirits* [Ozero Gornyx dukhov]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)].
- Кудинов, И. П. (1997) 'Каракорум', *Барнаул*, 1/2, сс. 7–62. [Kudinov, I. P. (1997) 'Karakorum' [Karakorum], *Barnaul*, 1/2, pp. 7–62. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2008) 'Образ Г.И. Гуркина как элемент национального самосознания алтайцев', *Общество и этнополитика*, сс. 251–258. [Mikhailov, D. A. (2008) 'The image of G.I. Gurkin as an element of the national consciousness of the Altaians' [Obraz G.I. Gurkina kak e'lement nacional'nogo samosoznaniya altajcev], *Obshhestvo i etnopolitika*, pp. 251–258. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2015) 'Сибирское областничество и зарождение алтайского национализма', *Этнографическое обозрение*, 6, сс. 68–85. [Mikhailov, D. A. (2015) 'Siberian regionalism and the origin of Altai nationalism' [Sibirskoe oblastnichestvo i zarozhdenie altajskogo nacionalizma], *E'tnograficheskoe obozrenie*, 6, pp. 68–85. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2016) 'Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов', *Антропологический форум*, 31, сс. 63–85. [Mikhailov, D. A. (2016) 'The ideologeme of revival and the construction of Altaic nationalisms' [Ideologema vozrozhdeniya i konstruirovaniye altaiskikh natsionalizmov], *Antropologicheskij forum*, 31, pp. 63–85. (In Russ.)].
- Муканова, Т. (2020) 'Художник Григорий Чорос-Гуркин', *Простор*, 12, сс. 168–182. [Mukanova, T. (2020) 'Artist Grigory Choros-Gurkin' [Khudozhnik Grigorii Choros-Gurkin], *Prostor*, 12, pp. 168–182. (In Russ.)].
- Пахаев, С. Я. (1993) *Штрихи к политической биографии Г.И. Чорос-Гуркина*. Горно-Алтайск-Анос. [Pakhaev, S. Ya. (1993) *Strokes to the political biography of G.I. Choros-Gurkin* [Shtrihi k politicheskoy biografii G.I. Choros-Gurkina]. Gorno-Altajsk-Anos. (In Russ.)].
- Самушкина, Е. В. (2018) 'Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917–1918 гг.)', *Грамота*, 12 (98), сс. 263–267. [Samushkina, E. V. (2018) 'The ethnonational elite of the Altai Mountains: the problem of forming the historical memory of the aboriginal community (1917–1918)' [E'tnonacional'naya e'lita Gornogo Altaya: problema formirovaniya istoricheskoy pamyati aborigennogo soobshhestva], *Gramota*, 12 (98), pp. 263–267. (In Russ.)].
- Самыкова, И. В. (2018) 'Художник и революция (общественно-политическая деятельность Г. И. Чорос-Гуркина)', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*, 2, сс. 159–164. [Samyкова, I. V. (2018) 'The Artist and the Revolution (sociopolitical activity of G. I. Choros-Gurkin)' [Khudozhnik i revolyutsiya (obshhestvenno-politicheskaya deyatelnost' G. I. Choros-Gurkina)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodny'e otnosheniya*, 2, pp. 159–164. (In Russ.)].
- Тадина, Н. А. (2018) 'Памятник Чорос-Гуркину как символ потестарной идеи «Ойрот»', *Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье*, 13, сс. 294–297. [Tadina, N. A. (2018) 'Monument to Choros-Gurkin as a symbol of the potestar idea «Oirot»' [Pamyatnik Choros-Gurkinu kak simvol potestarnoj idei «Ojrot»], *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e*, 13, pp. 294–297. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2012) *Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность*. Москва: Новый Хронограф. [Fadeeva, L. A. (2012) *Who are we? The Intelligentsia in the struggle for identity* [Kto my? Intelligenciya v bor'be za identichnost']. Moscow: Novy'j Khronograf. (In Russ.)].
- Чернышов, Ю. Г. (1988) 'Интеллигенция и власть: одна из «вечных» тем истории', *Дневник Алтайской школы политических исследований*, 5, сс. 3–19. [Chernyshov, Yu. G. (1988) 'Intelligentsia and Power: One of the "eternal" themes of history' [Intelligentsiya i vlast': odna iz «vechnykh» tem istorii], *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, pp. 3–19. (In Russ.)].
- Шастина, Т. П. (2015) 'Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника – к genius loci в литературе XX в. Статья II', *Мир науки, культуры, образования*, 5 (55), сс. 377–380. [Shastina, T. P. (2015) 'G. I. Choros-Gurkin: from an image of a contemporary to genius loci in literature of XX century. The article II' [G. I. Choros-Gurkin: ot obraza sovremennika – k genius loci v literature XX veka. Stat'ya II], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 5(55), pp. 377–380. (In Russ.)].

- Шастина, Т. П. (ред.) (2019) *Г. И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место: антология*. Горно-Алтайск: Алтын-Туу. [Shastina, T. P. (eds.) (2019) *G. I. Gurkin and the Altai Mountains – genius and place: anthology* [G. I. Gurkin i Gornyi Altai – genii i mesto: antologiya]. Gorno-Altaysk: Altyn-Tuu. (In Russ.)].
- Шерстова, Л. И. (2020) 'Предпосылки и факторы формирования Алтайской (Ойротской) государственности', *Г. И. Чорос-Гуркин и современность*, сс. 114–121. [Sherstova, L. I. (2020) 'Prerequisites and factors of formation of Altai (Oiroot) statehood' [Predposylki i faktory formirovaniya Altajskoj (Ojrotskoj) gosudarstvennosti], *G. I. Choros-Gurkin i sovremennost'*, pp. 114–121. (In Russ.)].
- Эдоков, В. И. (1984) *Мастер из Аноса*. Барнаул: Алт. кн. изд-во. [Edokov, V. I. (1984) *The Master from Anos* [Master iz Anosa]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. (In Russ.)].
- Эдоков, В. И. (1994) *Возвращение мастера*. Горно-Алтайск: Чаптыган. [Edokov, V. I. (1994) *The Return of the Master* [Vozvrashchenie мастера]. Gorno-Altajsk: Chaptý' gan. (In Russ.)].
- Balzer, M. M. (2015) 'Art, Identity and Ethnicity: Republics of Kalmykia, Buryatia, Altai, and Sakha (Yakutia)', *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 3, pp. 2–5.
- Chernyshov, Yu. G., Derendyaeva, A. D., Isakova, S. N., Ulyanov, P. V. (2023) 'Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai', *Bylye Gody*, 18(1), pp. 64–75. DOI: 10.13187/bg.2023.1.64.
- Rozwadowski, A. (2021) 'Being in Cosmos: Sergei Dykov's Visual Exploration of the Spirit of Altai', *Religions*, 6, p. 405.
- Toraman, A. (2018) 'Altay Türklerinin İlk Sanat Okulu Ve Çoros-Gurkin', *Uluslararası Türk Kültür Coğrafyasında Sosyal Bilimler Dergisi*, 1, pp. 121–128.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023

Статья принята к печати: 15.04.2023

ARTIST IN POLITICS: THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF G. I. CHOROS-GURKIN AS A PUBLIC AND POLITICAL FIGURE

Yu. G. Chernyshov, A. D. Derendyaeva

Yu. G. Chernyshov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations,
Altai State University.

E-mail: ashpi@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-0516-7486. Researcher ID: I-1137-2015).

A. D. Derendyaeva, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of General History and International Relations,
Altai State University.

E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru (ORCID: 0009-0005-4621-8974).

Abstract

The article considers one of the clearest examples of the "intellectual's going to power" situation on the example of the fate of the famous Altai artist G.I. Choros-Gurkin. The purpose of the study is to identify the characteristic features of the complex evolution of the image of G.I. Choros-Gurkin as a public and political figure. Regulatory and legal documents, materials of archival funds, publications in mass media, etc. are used as sources. The image of G.I. Choros-Gurkin transforms significantly: from a talented artist, a student of I.I. Shishkin, to a leader of the national movement and a chairman of the Altai Mountain Duma (1918), and then into an "enemy of the people" and a "traitor". For a long time, even after his political rehabilitation (1956), his name was omitted. However, since the late 1980s, his image as a politician has been rapidly reviving. Now he is not only the "national hero" and "genius loci", but also the "founder of the Altai statehood". The article shows that by now the image of G.I. Choros-Gurkin is used in the memory politics as a key figure that contributes to the formation of ethnic and territorial identity in the Altai Republic.

Keywords: political leadership; national movement; national hero; intelligentsia; regional leader; politics of memory; identity; genius of place; Gornyi Altai; G.I. Choros-Gurkin.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00822.